

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ «ПРИСТАВНИК ОТ БОГА.

Во всем, что касалось религии, Петр был человеком XVIII, а не XVII века: он тяготел скорее к светскому рационализму, чем к истовой вере и религиозной одержимости. Его куда больше заботила торговля и благосостояние нации, нежели толкование догматов веры и Священного Писания. Ни одна из войн, которые он вел, не носила религиозного характера. Однако сам Петр искренне веровал в Бога. Он признавал всемогущество Господне и во всем видел Его промысел: в жизни и смерти, поражении и победе. В каждом письме он не забывал возблагодарить Всевышнего и всякий успех отмечал благодарственным молебном. Он верил в то, что, вручив монархам бразды правления, Творец тем самым не только возвысил их над подданными, но и возложил на них особую ответственность, однако он никогда не видел в монаршей власти воплощение такой отвлеченной философской идеи, как «божественное право королей». К религии Петр

подходил с теми же критериями, с какими он подходил и к мирским делам: хорошо то, что разумно, полезно и пригодно для дела. И еще он полагал, что работа на благо и процветание отечества есть лучший способ служения Господу.

Петр любил ходить в церковь. Еще ребенком стараниями наставников он поднаторел в Священном Писа-

309

нии и богослужебном чине. Взойдя на трон, он старался ввести в употребление по всему царству верно, без искажений переписанные церковные книги. Православная церковь не допускает при богослужении иной музыки, кроме хорового пения, и Петр с детства любил петь в церковном хоре и сохранил эту привычку на всю жизнь. Нередко случалось, что, заслышав пение, царь проталкивался сквозь толпу прихожан к клиросу и присоединялся к хору. Православные ведут себя в храмах не так чинно, как христиане иных исповеданий: во время службы принято стоять, и люди зачастую приходят, уходят, подают друг другу знаки, обмениваются приветствиями и улыбками. Петр вел себя так же, но считал недопустимым открыто разговаривать во время службы и распорядился штрафовать нарушителей благочиния на один рубль. Впоследствии у одной из петербургских церквей был установлен позорный столб для наказания тех, кто разговаривал в храме.

Уважение к богослужению было для Петра важнее три конкретной формы, в какой это богослужение осуществлялось. К большому неудовольствию многих соотечественников, и, прежде всего церковной верхушки он проявлял к другим христианским исповеданиям неслыханную дотоле терпимость. Святая православная церковь раньше такого не допускала. Петр достаточно рано понял: чтобы привлечь на службу побольше иноземных умельцев, надобно позволить им молиться в соответствии с их обычаями. В этом мнении он укрепился в 1697 году, во время поездки в отличавшийся веротерпимостью Амстердам, где, как пояснил царю

амстердамский бургомистр Витсен, «всякому позволено свободное отправление своего богослужения, если оно не мешает в собственные их [местных жителей] касающиеся до религии дела, и не нарушает спокойствие людей другого исповедания, ибо правительство не имеет нужды заботиться о том, чему верят иностранные жители, если только они не преступают законов той земли, в которой

310

живут». Петр признал, что такая терпимость «немало способствует приращению торговли, стечению в Амстердам множества людей, а потому приращению доходов республики, и выразил намерение завести схожие порядки в своей земле .

Насколько мог, он последовательно проводил этот принцип в жизнь. Иностранцы в России во всех вопросах, имевших отношение к религии пользовались самостоятельностью: на них не распространялось действие русских законов и установлений русской православной церкви. Со временем Петр обнародовал указ, признававший имеющим силу протестантское и католическое крещение и разрешавший браки между православными и иноверцами, с тем, однако, чтобы рожденные в этих браках дети воспитывались в православии. В России в то время прижилось немало пленных шведов, которые были не прочь жениться на русских, и царский указ давал им такую возможность. Веротерпимость лежала в основе политики Петра и по отношению к народам, населявшим как христианские, так и нехристианские провинция в составе Российской империи. Петр пошел на то, чтобы на отвоеванных у Швеции балтийских землях государственной церковью осталась лютеранская, и это право было закреплено в одной из статей Ништадтского мирного договора. На обширной территории бывшего Казанского ханства и в ряде других провинций основную часть населения составляли мусульмане, и Петр не предпринимал никаких шагов для обращения их в христианство. Он понимал, что любая попытка такого рода скорее всего не только закончится провалом, но может спровоцировать

беспорядки.

До определенной степени царь был терпим даже к старообрядцам; которых православная церковь осуждала и преследовала с особенным рвением. Для Петра имело значение лишь одно: прибыток или урон государству может принести их вера — то, что они крестятся двумя, а не тремя перстами не слишком его заботило. В свое

311

время тысячи старообрядцев, скрываясь от преследований, основали поселения в глухих лесах на севере России. В 1702 году Петр с пятью батальонами выступил из Архангельска на юг. Путь лежал через земли староверов. Полагая, что царское войско двинулось расправиться с ними, староверы запирались в скитах и готовились к самосожжению, ибо предпочитали смерть отречению от своей веры. Но Петр вовсе не собирался их трогать и отправился дальше — воевать со шведами, оставив староверам возможность жить по своему обычаю. Впоследствии в окрестностях Олонца были обнаружены залежи железной руды, и немало старообрядцев стало работать на рудниках и у плавильных печей. Многие оказались хорошими мастерами, и Петра это не могло не радовать: веротерпимость приносила свои плоды. «Пусть веруют, как хотят, — говорил Петр, — коли уже нельзя их обратить от суеверия рассудком, то конечно, не пособит ни огонь, ни меч, а мучениками за глупость быть — они той чести не достойны, да и государство пользы иметь не

т

будет».

И до поры старообрядцы вели тихую жизнь по глухим окраинам. Повиноваться церковным властям они отказывались, но подати платили исправно и отличались чистотой нравов. Однако шла война, России требовалось все больше рабочих рук, и со временем Петр рассудил, что, укрываясь в лесах, староверы выказывают не только приверженность древним обычаям, но и неприятие политики государства. В феврале 1716

года царь повелел провести перепись старообрядцев и обложить их двойным налогом. Желая выставить их на публичное осмеяние и, опозоренных, возвратить в лоно православной церкви, царь предписал всем раскольникам носить на спине лоскут желтой материи. Эти меры, однако, привели лишь к тому, что староверы гордились своим отличительным знаком, число их множилось, а от поборов они бежали в такую глухомань, что правительственным чиновникам было до них не дотянуться. К концу цар-

312

ствования Петра терпимость его к раскольникам заметно поубавилась. В раздражении он приказал было ссылать старообрядцев в Сибирь, но затем отменил этот указ, решив, что там их уже и так предостаточно.³ В 1724 году всем староверам (кроме крестьян), желавшим сохранить бороду, было предписано носить особый медный медальон. На нем была изображена борода, и чтобы заплатить за него, требовались немалые деньги.

Хотя Петр и допускал в России широкое разнообразие религиозных верований, терпимость его не распространялась на один из католических орденов — орден иезуитов. Другим католическим братствам дозволялось беспрепятственно действовать в России: францисканцы и капуцинцы даже имели небольшие монастыри. Первоначально иезуитам тоже было позволено совершать в Москве свои требы, а их миссия ко двору маньчжурского императора Китая Кан-си получила свободный пропуск через территорию России. Но затем Петр заподозрил, что религиозное рвение иезуитов — не более чем ширма, прикрытие их стремления к политической власти. Подтверждением мирских интересов ордена, на взгляд Петра, явились тесные связи братства Иисуса с венским императорским двором. Впоследствии царь издал указ, предписывавший иезуитам через четыре дня после уведомления покинуть российские пределы, поскольку всему миру известны опасные махинации иезуитов, которые «не могут отстать от того, чтобы не мешаться в политические дела»^{1*}. Однако, высылая иезуитов, Петр не потребовал закрытия римско-католического костела в Санкт-Петербурге. Он разрешил

прихожанам послать за новым священником и настаивал лишь на том, чтобы их будущий пастырь не принадлежал к иезуитскому ордену и не был связан с австрийским двором.

О веротерпимости Петра были наслышаны и за границей. У представителей некоторых христианских концессий возникли даже надежды на то, что при поддержке царя им удастся добиться распространения в России

313

своего учения, а то и обращения всей огромной страны в свою веру. На самом деле оснований для таких надежд не было. Петр действительно интересовался другими христианскими вероучениями, особенностями богослужения и церковного управления, но этот интерес был продиктован любознательностью, и только. У него и в мыслях не было предлагать россиянам какую-то иную веру. Тем не менее, в 1717 году во время пребывания Петра в Париже группа теологов с богословского факультета Сорбонны предложила царю объединить московскую и римскую церкви на основе взаимного сближения доктрин. Прослышав о таком проекте, посланники некоторых протестантских держав в Петербурге встревожились, представив себе возможные последствия задуманной унии. Однако шансов на осуществление этого замысла практически не было, ибо, как справедливо заметил Вебер, «совершенно невероятно, чтобы уничтожив в России власть патриарха, царь подчинился сам и подчинил свои владения куда более тягостной зависимости от папы... Не стоит даже упоминать о браках священников, почитаемых в России божественным установлением, и других разногласиях, по которым обе церкви едва ли когда-нибудь придут к соглашению»⁵.

Да, Петр сохранял господство православия в России, но при этом он настаивал на том, чтобы церковь приносила государству пользу. А самым полезным, что, по его мнению, могли делать священники, помимо спасения душ, было обучение прихожан грамоте. В стране практически не было школ,

и просвещение могло коснуться разбросанного по необъятным просторам народа только при содействии духовенства. Однако священники по большей части сами отличались дремучим невежеством, неистребимой ленью и были подчас не менее суеверны, чем их паства. Мало кто из них сумел бы сказать даже несложную проповедь, не говоря уж о том, чтобы учить, передавать другим свои знания и наставлять в добродетели. Пытаясь исправить положение, Петр отправил

314

многих сельских священников в Киев и другие богословские училища, дабы они обучились не только требы служить, но и произносить перед паствой проповеди.

Помимо невежества, которое было скорее не виной, и бедой русского духовенства, был у него и другой порок, приводивший Петра в ярость. Среди духовных лиц попадались проходимцы, наживавшиеся на предрассудках людей. Широко распространенная вера в то, что молитва, обращенная к чудотворной иконе Спаса, Богородицы или кого-нибудь из русских святых способно обеспечить успех в любом деле, расплодила множество шарлатанов. Всякий раз, когда Петр узнавал о причастности к такому обману духовных лиц, его начинало трясти от гнева. Один петербургский священник стал уверять своих прихожан, будто хранящаяся у него дома икона Богородицы может творить чудеса, но прежде всего надо как следует раскошелиться. «Хотя он и проделывал все по ночам, в большом секрете, и наказывал прихожанам хранить тайну, — рассказывал Вебер, — об этом все же проведал царь. Дом священника обыскали и виденную там икону доставили во дворец, дабы прове-мть, будет ли она творить чудеса в присутствии Его Величества. Однако священник, видя, что все вышло наружу, бросился к ногам царя и повинился в мошенничестве, за что — в назидание своей братии — был лишен сана, заключен в крепость и подвергнут тяжкому телесному наказанию» .

Вполне понятно, что особенно Петр негодовал, когда всякого рода

обманщики дерзали противиться его, замыслам. Один крестьянин, недовольный насильственным переселением в Петербург, принялся пророчествовать, что в сентябре надо ждать наводнения: вода поднимется так высоко, что скроет даже могучий ясень возле церкви. Перепуганные обыватели собрали пожитки и стали переправляться на более высокие места. Вzbешенный тем, что кто-то посмел предрекать беду новому граду, его любимому творению, Петр приказал ясень

315

срубить, а крестьянина до сентября держать в каземате. Сентябрь прошел, а наводнения все не было. Тогда на том месте, где остался пенъ от срубленного дерева, соорудили эшафот, на который возвели горе-прорицателя и наградили его пятьюдесятью ударами кнута. Созванному на экзекуцию народу была прочитана проповедь о лжепророках и тех, кто по недомыслию соблазняется их -речами.

Случались и более изощренные религиозные мистификации, которые, с одной стороны возмущали Петра, а с другой, возбуждали его любопытство. В 1720 году по Петербургу пошли толки о том, что икона Пресвятой Богородицы в одной из церквей проливает горькие слезы оттого, что вынуждена прозябать в столь мрачном и унылом краю. Об этом прослышал канцлер Головкин и тотчас отправился_ в церковь. Протолкнувшись сквозь собравшуюся в храме толпу, он удостоверился, что образ я впрямь источает слезы. Немедленно отправили гонца к Петру, который в то время инспектировал строившийся Ладожский канал. Узнав о чуде, царь не мешкая тронулся в путь и, проехав всю ночь, поутру явился в храм. Служители подвели государя к иконе. Глаза ос з. тот момент были сухими, но многие из находившихся в церкви уверяли, что видели слезы. Петр долго смотрел на икону, покрытую толстым-слоем лака, а потом велел снять образ (он висел довольно высоко) и доставить к нему во дворец. Там икону тщательна осмотрели в присутствии канцлера, многих вельмож и священников, которые были в храме, когда образ снимали со стены. Вскоре царь обнаружил, что в

уголках глаз Богородицы проделаны крохотные отверстия, совершенно незаметные, если смотреть на икону снизу вверх. Перевернув образ, царь сорвал холст, прикрывавший доску сзади и увидел, что в доске, позади глаз, выдолблены углубления, в которых сохранился остаток деревянного масла. «Вот где секрет чудесных слез! — возгласил царь и позвал присутствующих подойти поближе и удостовериться. Что

316

же оказалось? Пока икона находилась в прохладном месте, масло затвердевало, но во время службы, когда воздух разогревался зажженными под иконой свечами, масло медленно таяло и оттого икона начинала «плакать». Хитроумная выдумка понравилась Петру, и он взял икону для своего кабинета редкостей. Однако то, что изготовивший ее шарлатан возбуждал суеверие, грозившее благополучию новой столицы, не могло не разгневать царя. Виновный был найден и «подвергнут столь суровому наказанию, что после этого даже мысль о чем-то подобном никому не могла прийти в голову». *

Наряду с просвещением духовенства и искоренением суеверий и шарлатанства Петр задумал привнести поболее благочестия в жизнь российских монастырей и сделать обители полезными для государства. Царь ничего не имел против монастырской учености, идеалов нестяжательства и служения Богу. Сам он еще в молодости совершил паломничество в весьма почитаемый Соловецкий монастырь на Белом море, а в 1712 году основал в Санкт-Петербурге обитель в честь Св. Александра Невского. Однако идеалы идеалами, но царь с юликой досадой замечал, что монашеская братия отнюдь не придерживалась образа жизни, подобающего смиренным инокам. В петровское время в России насчитывалось более 557 мужских и женских обителей, населенных 14000 братьев и 10000 сестер, причем многие монастыри владели огромными богатствами. Е 1723 году за 151 монастырем в окрестностях Москвы числилось 242198 душ; Троице-Сергиевой лавре — богатейшей из обителей — принадлежало 20393 крестьянских двора.

Монастырские богатства непрерывно росли: многие дворяне и зажиточные купцы жертвовали обителям земли и деньги в расчете на то, что иноки отмолят их грехи.

Монастыри были чрезвычайно богаты, но пользы отечеству, по мнению Петра, приносили очень мало. Они вовсе не являлись оплотом учености и добродетели и зачастую предоставляли в своих стенах убежище дезер-

317

тирам, беглым крепостным и прочим «дармоедам - здоровым да ленивым врагам Божиим», как презрительно окрестил их Петр*. Царь считал многих монахов паразитами, погрязшими в предрассудках и лени, и полагал, что безмерное умножение их в числе, одновременно с упадком благочестия, идет во вред государству. -

В 1700 году, после смерти патриарха Адриана, Петр предпринял ряд мер по ограничению влияния монастырей в России. Для управления обителями был учрежден новый орган, Монастырский приказ, во главе которого царь поставил мирянина, боярина Ивана Мусина-Пушкина. Дабы монахи и монахини могли целиком посвятить себя служению Господу, управление всеми хозяйственными и финансовыми делами монастырей было передано этому приказу⁹. Царь решительно сократил приток нового пополнения в монастыри: он запретил принимать постриг дворянам, чиновникам, несовершеннолетним^ а также всем, кто не умел читать и писать. Впоследствии правила ужесточились» и всякий желавший дать обет, должен был испросить царского дозволения. Одновременно были закрыты все обители, в которых насчитывалось менее тридцати человек. На их мсс >, возникли приходские церкви или школы, а братию разослали по крупным монастырям.

Петра, как правителя, в первую очередь заботила роль церкви в обществе и ее место в структуре государственных институтов. Несмотря на сокрушительный удар по независимости церкви, нанесенный царем Алексеем

Михайловичем, лишившим сана патриарха Никона, ко времени воцарения Петра русская церковь еще сохраняла известную самостоятельность и по-прежнему обладала значительной властью. Патриарх имел собственный двор, своих чиновников, суд и финансовые службы. Население огромных церковных владений платило подати в патри-

318

аршую казну. Все вопросы, касавшиеся браков, прелюбодеяния, разводов, завещаний и наследования, рассматривались в церковных судах. Церковь же разбирала споры между мужьями и женами, родителями и детьми, духовенством и мирянами. Адриан, занявший патриарший престол, когда Петру было восемнадцать лет, обладал не столь сильным характером, как Никон, однако и он со своих крайне консервативных позиций постоянно вмешивался в личную жизнь царя, донимая Петра попреками и требованиями: поменьше знаться с чужеземцами, сменить европейское платье на традиционное русское и уделять больше внимания Евдокии. Неудивительно, что у молодого монарха возникло желание избавиться от назойливой личной опеки и вообще опостылевшей старины, воплощением которой являлся патриарх.

В октябре 1700 года Адриан скоропостижно скончался. Петр тогда находился при армии, у него не было готового решения относительно того, кто станет преемником Адриана, он лишь хотел видеть на патриаршем престоле человека, который не стал бы оспаривать верховенство светской власти над духовной и поддерживал бы задуманные перемены в церковном устройстве. Подходящей кандидатуры под рукой не оказалось, а времени на раздумья у государя не было. Царь не желал вручать высшую духовную власть случайному человеку и в то же время не решался упразднить пост патриарха вовсе, опасаясь посеять в стране смуту. Поэтому он выбрал компромисс: патриарший престол был объявлен «до времени» свободным, а дабы церковь не осталась без руководства, бразды правления были вручены местоблюстителю, который в силу неопределенности своего положения не

мог стать средоточием власти. На том царь и успокоился. Духовенство настойчиво просило государя даровать церкви нового патриарха, но Петр всякий раз отговаривался тем, что слишком занят на войне и потому не может пока решить столь важный вопрос, требующий глубокого размышления.

319

В качестве местоблюстителя патриаршего престола: царь избрал сорокадвухлетнего Рязанского митрополита ^ Стефана Яворского, украинского монаха, получившего образование в Киево-Могилянской духовной академии; где уровень богословских знаний и общей культуры был намного выше, чем в Москве. Яворский был профессором богословия и произносил впечатляющие проповеди в главном киевском соборе - Софийском. Глубокий; звучный голос, театральные жесты, умелое сочетание -\ учености и острого словесия позволяли ему легко овладевать слушателями, повергая их то в смех, то в слезы. В московских храмах Петру не доводилось слышать подобных ораторов и потому царь по любому торжественному поводу с удовольствием внимал проповедям Яворского. Однако, сделав Яворского местоблюстителем, Петр не наделил его патриаршей властью. Управление церковным, имуществом и сбор податей с церковных земель были переданы в ведение Монастырского приказа, который возглавил боярин Мусин-Пушкин. Впоследствии большая часть церковных доходов стала перечисляться в государственную казну, которая, в свою очередь, выплачивала из этих средств жалованье духовенству.

Яворского пребывание на высоком посту не слиш- ^ ком радовало. Он не был честолюбив и частенько с • грустью вспоминал мирную, уединенную жизнь в Киеве. В 1712 году он обратился к Петру с прошением, умоляя освободить его от обременительной должности¹ . Но Петр не видел Яворскому достойной замены, и тот продолжал оставаться местоблюстителем. Со временем, однако, авторитет Яворского в церковных кругах возрос, и митрополит стал энергичнее поддерживать духовенство в

противоборстве с мирскими властями. Он все чаще стал протестовать против передачи значительной части церковных доходов на нужды армии. В самих его проповедях зазвучали мотивы, которые едва ли могли понравиться царю: так, митрополит осуждал мужей, принуждавший своих Жен принять постриг, чтобы самим

320

получить возможность вступить во второй брак. Всякому было ясно, в чей огород был брошен этот камень. В 1712 году, проповедуя в день Святого Алексея, Яворский назвал царевича Алексея «единственной нашей надеждой». Петр этой проповеди не слышал, но ее запись была доставлена царю. Петр внимательно прочитал проповедь, отмечая что-то пером. Не желая делать из Яворского мученика, государь не наказал его. Вместо того, он написал митрополиту письмо, в котором недоумевал, почему духовный пастырь, прежде чем укорять царя прилюдно, не поговорил с ним наедине. Яворский ответил покаянным посланием, писанным «не чернилами, а слезами»¹¹, и был оставлен на своем посту, хотя проповедовать ему царь временно запретил.

Тем временем Петр присмотрел, опять-таки среди киевских монахов, подходящего исполнителя своих замыслов, касающихся преобразования церкви. Феофан Прокопович, еще молодой в сравнении с Яворским, но более искушенный в житейских делах, более практичный и несравненно более деятельный, оказался именно тем человеком, который был нужен царю. Это был истинный деятель просвещенного XVIII века, волею судьбы ставший священником. В нем сочетались качества администратора, реформатора, полемиста и, если угодно, — пропагандиста, а главное, он полностью разделял взгляды Петра на необходимость модернизации и секуляризации русской церкви. Для православного священника Прокопович обладал небывалой ученостью — был знаком со взглядами Эрзама Роттердамского, Лютера, Декарта, Бэкона, Маккиавелли, Гоббса и Локка. Феофан с детства остался сиротой, и его первым учителем был дядюшка, ученый монах из

Киевской академии. Затем Юноша продолжил образование в иезуитском коллегиуме в Польше, а после отправился в Рим — изучал там теологию. В Риме ему выпало стать свидетелем коронации папы Климента XI. Однако, в итоге трехлетнего пребывания в Риме у Прокоповича сформировалась стой-

11 Петр Великий, т. 3

321

кая неприязнь к католицизму и папству. Вернувшись в Киев, он стал преподавать в академии — читал на латыни лекции по философии, риторике и пиитике и первым добился включения в учебную программу арифметики» геометрии и физики. В неполные тридцать лет Прокопович написал пятиактную пьесу в стихах о крещении Руси князем Владимиром. В 1706 году Петр посетил Киев, был в Софийском соборе и пришел в восторг от проповеди, читанной Прокоповичем. В 1708 году, когда Мазепа изменил Петру и сделал ставку на Карла, Прокопович без колебаний стал на сторону русского царя. Киевский губернатор, князь Дмитрий Голицын, отвечая на вопрос Петра относительно лояльности высших киевских иерархов, писал: «Узнать нет ли в ком из монахов подозрения трудно, потому что монахи всех нас чураются, во всем Киеве нашел я только одного человека, именно из братского монастыря префект, который к нам снисходителен»¹². В 1709 году, после Полтавской победы, Петр снова приехал в Киев, где Прокопович произнес в его честь панегирик, превознося царя сверх всякой меры. В 1711 году Феофан сопровождал государя в несчастном для русских войск Прутском походе, а через год, в возрасте тридцати одного года, был назначен ректором Киево-Могилянской академии. В 1716 году Петр вызвал Прокоповича в Петербург, и тот навсегда покинул Киев.

В отличие от Яворского, Прокопович всецело поддержал стремление Петра подчинить церковь государству. Фоккеродт, секретарь прусского посланника Мардефельда, писал, что помимо широчайшей учености, Прокоповича отличает «безмерная преданность благу страны, даже в ущерб интересам духовенства»¹³. Неудивительно, что он не находил общего языка с

длиннобородыми поборниками патриархальных традиции. Конфликт Прокоповича с рядом видных иерархов обострился в связи с тем, что они поддерживали царевича Алексея. В 1718 году Петр повелел высшему духовенству «учинить

322

суд» над царевичем, 6 апреля, в Вербное воскресенье, Феофан Прокопович произнес пламенную 'проповедь, возглашая с кафедры, что царская власть установлена Творцом, вооружена мечом Господним и повиноваться ей — святой долг всех подданных без изъятия, а всякое противодействие есть грех перед ликом Господним. Он гневно порицал тех, кто полагал, что духовенству не обязательно всрноподданнычески служить своему государю. «Многие мыслят, — заявил Прокопович, — что не все люди обязаны повиновением властям, что некоторые исключаются, именно священство и монашество. Это терн, жало змеиное, дух папский, неизвестно как нас коснувшийся: священство есть особое сословие в государстве, а не особое государство в государстве»¹⁴. Вполне понятно, что многие церковники упрекали Прокоповича в низкопоклонстве, честолюбии, вероотступничестве, и лицемерии. Когда Петр назначил его архиепископом Псковским, московское духовенство не преминуло обвинить новопоставленного архиерея в протестантской ереси. Это обвинение поддержал и Яворский, однако, когда Петр потребовал представить доказательства еретических воззрений Прокоповича, местоблюститель, оказавшийся не в состоянии их раздобыть, вынужден был отступить.

Война со Швецией близилась к концу, и Петр все чаще задумывался о необходимости дать, наконец, церкви постоянное управление. «Временное» назначение Яворского местоблюстителем растянулось на восемнадцать лет, а русские архиереи без конца досаждали царю просьбами о поставлении патриарха. Долгое время Петр оставлял эти прошения без внимания, а когда, наконец, откликнулся, ответ его оказался вовсе не таков, какого ожидали церковники. За годы, прошедшие со времени кончины последнего патриарха,

Петр немало поездил по Европе, побывал и в католических, и в протестантских странах и познакомился с принятыми на Западе формами церковного управления. Римскую церковь единолич-

323

но возглавлял папа, а в протестантских странах руководство церковью осуществляли коллегиальные органы • — синоды, ассамблеи или административные советы. Эта-то система и пришлась по нраву Петру. Он уже реформировал гражданское управление, заменив приказы коллегиями, а теперь задумал и церковь переустроить по аналогичному образцу. В конце 1718 года Петр поручил Прокоповичу подготовить проект нового церковного уложения, получившего впоследствии название «Духовный регламент*». Этот документ должен был определить на будущее принципы управления русской православной церковью. Долгие месяцы Прокопович упорно трудился над текстом Регламента, и в том, что этот документ увидел свет, ему бесспорно принадлежит основная заслуга, однако, каждый раздел проекта внимательно прочитывался, а порой и переписывался самим государем.

В 1721 году царским манифестом «Духовный регламент» был введен в действие, нанеся жестокий удар по столь ненавистой Петру московской церковной старине. Регламентом предписывалось искоренять невежество и суеверия не только среди паствы, но и среди священства, ибо при недостатке просвещения церковь не может обрести и доброе устройство. Епископам было указано завести школы для приготовления священников. Всего за четыре года с момента вступления Регламента в силу было открыто сорок шесть таких училищ. Священникам надлежало изучать богословие и, прежде всего, учиться доказывать истинность православных догматов ссылками на Священное Писание . Но тем дело не ограничивалось: по настоянию Прокоповича, будущим пастырям предстояло изучать историю, политику, географию, арифметику, геометрию и физику. От прихожан Регламент требовал непременно посещения церковных служб: на тех, кто пропускал

богослужения или разговаривал в церкви, налагался штраф.

Однако наиболее примечательной особенностью нового Регламента явилось упразднение патриаршества. Во

324

главе русской церкви- было поставлено бюрократическое учреждение, названное Священным Правительствующим Синодом и организованное по образцу коллегий. Синод состоял из президента, вице-президента и восьми членов. Но. по замыслу Петра Синод был поставлен выше коллегий и приравнен к Сенату. Как и при Сенате, при Синоде состоял особый надзиратель, обер-прокурор, к ведению которого относились все административные вопросы, забота о соблюдении порядка и благопристойности и разбор всяческих свар между членами Синода. Синод контролировал все стороны церковной жизни как собственно духовные, так и хозяйственные, и по сущест*ству стал министерством по делам церкви, а его обер*прокурор — министром духовных дел.

В пространном вступлении к «Духовному регламенту* Прокопович (за которым стоял сам Петр) так объяснил причину учреждения коллегиального управления церковью и упразднения единоличной власти патриарха:

От соборного правления нельзя опасаться отечеству мятежей и смущения, какие происходят от единого собственного правителя духовного, ибо простой народ не ведает, как разнится власть духовная от самодержавной, но, великого высочайшего пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и более его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство. Простые сердца так мнением этим развращаются, что не столько смотрят на самодержца своего, сколько на духовного пастыря, и когда услышат между ними распрю, то все более духовному, чем мирскому правителю сочувствуют, хотя слепо и пребезумно, за духовного ратовать и бунтовать дерзают, и льстят себя, окаянные, надеждою, что они по самом Боге поборают и руки не оскверняют, но освещают, хотя бы и на

кровопролитие устремились .

В течение двух последующих столетий, до 1918 года,

325

управление русской церковью осуществлялось через Синод на основе «Духовного регламента». Церковь утратила свою независимость — власть государя во всех вопросах, кроме сугубо догматических, была отныне абсолютной и непререкаемой. Принимая сан, священник приносил клятву верности самодержцу, а монархия, в обмен на безоговорочное повиновение, обеспечивала православию положение государственной религии.

Хотя Яворский был категорически против учрежде-? ния духовной коллегии, Петр назначил президентом Синода именно его, видимо, полагая, что если митрополит не будет привлечен к работе Синода, он будет ей противодействовать. При его авторитете это была серьезная угроза. Яворский попытался уклониться от назначения и просил государя отпустить его на покой в монастырь, но Петр остался непреклонен в своем решении. Назначение состоялось, и Яворский возглавлял Синод до самой своей кончины в 1722 году.

Несмотря на то, что Прокопович был относительно молод (в 1721 году ему исполнился сорок один год) и уступал по старшинству ряду архиереев, он получил третий По значению пост второго вице-президента Синода. На этом посту он деятельно руководил церковными делами, неотступно следуя принципам, которые сам же и разработал. Феофан пережил Петра на десять лет. При преемниках императора он сохранил влияние в Синоде и впоследствии удостоился весьма почетного сана архиепископа Новгородского.

Упразднив патриаршество и фактически превратив церковь в одно из государственных ведомств, Петр решил чрезвычайно важную, задачу. Церковь, как вторая по значению власть в государстве, окончательно утратила свою силу и перестала представлять опасность для самодержавия, превратившись в одну из спиц в колесе абсолютистской государственной

машины. Удалось добиться и некоторого повышения образованности духовенства, правда, даже позднее, в XVIII и XIX веках,

326

сельские священники в России отнюдь не являли собой образец учености. Поразительно, но принятие «Духовного регламента» не столкнулось с заметным противодействием ни в народе, ни в церковных кругах. В значительной мере это было связано с тем, что церковная реформа Петра не затронула обрядовую и догматическую стороны церковной жизни, почитавшиеся в православии важнейшими. Для царя имело значение, кто будет управлять церковью, а не как служить литургию, и потому все обрядовые особенности российского православия сохранились в неприкосновенности.

Со временем, однако, полное подчинение церкви государству сослужило православию не лучшую службу. Да, прихожане по-прежнему шли в храм со своими тяготами и скорбями и обретали утешение в сладкозвучном пении церковного хора и дружеском участии членов церковной общины. Однако прирученная самодержавием церковь, целиком сосредоточившись на частной, внутренней, духовной жизни человека, никогда не осмеливалась возвысить свой голос против властей предержащих. Нежелание церкви выступать защитником справедливости отталкивало от православия наиболее динамичные элементы российского общества. Крестьяне и простолюдины в поисках истинной веры тянулись к старообрядцам или пополняли ряды сектантов. Студенчество и интеллигенция презирали церковь за ее консерватизм и раболепную поддержку режима. Церковь, призванная вести за собой, покорно следовала в русле правительственной политики и вместе с монархическим режимом подошла к краю пропасти. В 1918 году Священный Синод был упразднен заодно с остальными правительственными учреждениями Российской империи. Ленин восстановил пост патриарха, но это было марионеточное патриаршество, находившееся под еще большим контролем со стороны

государства, нежели упраздненный Синод. Церковь стала служить новым хозяевам, и за все время существования советского ре-

327

жима не позволяла себе по отношению к нему ни малейшей критики*. Пассивность русской церкви и низкопоклонничество ее перед светской властью оставались такими же, как и в царское время. В интервью, данном газете «Нью-Йорк тайме», Александр Солженицын с горечью отметил, что история России в последние несколько столетий «могла бы быть несравненно человечней и гармоничней, если бы церковь не посту-пилась своей независимостью и голос ее по-прежнему звучал бы среди людей, как это происходит, например, в Польше» .

* Исключение составлял первый патриарх Тихон, стойко боровшийся против большевистского насилия. - *Ред.*